

© 2015 г.

А.В. ЛОМАНОВ

ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА в 20–30-е годы XX века: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

Китайская республика (1912–1949) оставила яркий след в истории китайской мысли, это был период расцвета и соперничества многообразных идейных течений. В 20–30-е годы XX в. происходило активное развитие либерализма, интеллектуалы пытались адаптировать иностранное учение к китайскому культурному контексту, социальным тенденциям и политической реальности.

Основоположником современного китайского либерализма был мыслитель и переводчик Янь Фу, получивший в конце XIX в. военно-морское образование в Великобритании. Личное соприкосновение с западной культурой позволило ему сформировать собственное мнение о ее интеллектуальных достижениях и выбрать ряд книг для перевода на китайский язык. В 1900 г. он перевел и спустя три года издал трактат Д.С. Милля “О свободе”. Книга получила необычное название – “О границе между правами общества и индивида” (Цюнь цзи цюань цзе лунь). Опасаясь поверхностного понимания свободы как вседозволенности, Янь Фу хотел подчеркнуть, что сферу свободы можно определить только после проведения границы между индивидом и обществом. Китайский мыслитель приложил усилия к тому, чтобы реконструировать традиционный смысл китайского слова “свобода” (цзыю) как способности действовать по собственному усмотрению¹.

Быстрые перемены в Китае не оставили времени для постепенного усвоения классической традиции западного либерализма Д.С. Милля и А. Смита, о которой пытался рассказать Янь Фу. В страну вернулось молодое поколение образованных китайцев, получивших образование за пределами страны, прежде всего в США. Им предстояло адаптировать западный либерализм к проблемам нестабильной и не способной сопротивляться внешнему давлению республики. Стремление ускорить экономическое развитие и повысить уровень народного благосостояния порождало широкий интерес к советской модели, имевшей мало общего с либерализмом. Растущее движение борьбы против империалистических держав и их попыток подчинить себе Китай создавало недоверие к западной идеологии. На интеллектуальные поиски влияла также проблема взаимодействия культур Китая и Запада – нужно было отказаться от нежизнеспособных аспектов традиционного наследия, адаптировать заимствованные из-за рубежа идеи к китайским условиям. В этой ситуации возможностей для расширения влияния классического либерализма было мало, взгляды китайских либералов формировались под ощутимым воздействием социалистических и националистических настроений.

Ломанов Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00295 “Китайский либерализм XX века: западное влияние и традиционная культура”.

¹ *Крушинский А.А.* Творчество Янь Фу и проблема перевода. М., 1989, с. 56.

Началом рассматриваемого периода споров о либерализме и политике стало “Движение 4 мая 1919 г.”, построенное на лозунгах критики китайской традиции, ниспровержения старых этических норм, раскрепощения человеческой личности и пропаганды индивидуализма. Дискуссии о демократии утратили актуальность с началом полномасштабного военного конфликта с Японией в 1937 г. Либеральные социально-политические программы временно отступили на второй план, они вернулись в центр внимания общества в начале 40-х годов XX в.

В статье рассматриваются три ключевые дискуссии, которые были тесно связаны с деятельностью либеральных периодических изданий. Трибуной для спора 1922 г. о “правительстве хороших людей” стал еженедельник “Нули” (“Усилие”). В защиту прав человека в 1928–1929 гг. выступала интеллигенция, близкая к шанхайскому литературно-общественному журналу “Синьюэ” (“Новолуние”). Дискуссия о демократии и диктатуре 1933–1934 гг. развернулась вокруг публикаций в еженедельнике “Дули пинлунь” (“Независимое суждение”).

Идейным лидером и активным участником этих дискуссий был Ху Ши (1891–1962) – общественный деятель с глубокими познаниями в области китайской философии, истории и литературы, последовательный сторонник либерализма, лидер движения за распространение китайского разговорного языка. Современные исследователи относят его наряду с Янь Фу к числу китайских либералов “мыслительно-идейного типа”, для которых западный либерализм стал высшим убеждением и направлением для поисков².

В 1917 г. Ху Ши завершил обучение в Колумбийском университете под руководством известного философа Дж. Дьюи. Под влиянием наставника молодой китайский интеллектуал провозгласил себя последователем методологии прагматизма. Он заявил, что в науке нет вечных истин, а есть только гипотезы, которые следует постоянно проверять на практике. В 1919 г. Ху Ши выступил с критикой попыток поверхностного обсуждения модных иностранных теорий (он называл их “-измами”) в ущерб решению реальных проблем страны, которыми следует заниматься в приоритетном порядке. В споре с китайским марксистом Ли Дачжао, защищавшим идеологический подход к общественным вопросам, Ху Ши отверг призывы к расширению классового боя в Китае.

“ХОРОШИЕ ЛЮДИ” И “ХОРОШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО”

Китайские либералы стремились определить свое отношение к политической деятельности. После Синьхайской революции страна была охвачена противостоянием между местными военными правителями, прибегавшими к репрессиям и опиравшимися на силу оружия. Революционная программа партии Гоминьдан также не вызывала у либералов больших симпатий. Интеллектуалы устремились к развитию культуры и идеологии, желая таким образом создать духовные предпосылки для демократизации политической жизни. Участие в политике их не привлекало. Когда Ху Ши вернулся в Китай после учебы в США, он обещал “двадцать лет не говорить о политике”, дабы сосредоточить все усилия на идейном просвещении.

К началу 20-х годов XX в. под влиянием “Движения 4 мая” настроения в интеллектуальных кругах изменились. Все чаще возникала мысль, что культурное движение нужно поддержать политическими переменами. 1 августа 1920 г. в газете “Чэньбао” появился “Манифест борьбы за свободу” (Чжаньцхой цзыю дэ сюаньянь), который подписали семь интеллектуалов во главе с Ху Ши. Они добивались гарантий того, что свобода слова, печати и собраний, а также тайна переписки не будут ограничены при-

² Ху Вэйси, Тянь Вэй. 20 шици Чжунго цзыночжуи дэ цзибэнь лэйсин. (Основные типы китайского либерализма XX в.). – Чжунго жэньминь дасюэ сюэбао, 2003, № 5, с. 133.

нимаемыми за рамками конституции законами. Либералы не отказывались от просветительского проекта, нацеленного на воспитание у людей свободы мысли и создания в стране атмосферы свободной критики. Однако они полагали, что для этого нужно обеспечить соблюдение конституционных норм, а это требовало расширения участия в политике для защиты свобод.

Обещание “не говорить о политике” было на время забыто. В августе 1921 г. Ху Ши выступил с лекцией “Идеология хорошего правительства” (Хаочжэнфу чжуи), ставшей ответом на рост популярности анархизма. Мыслитель убеждал аудиторию в том, что государственная власть не является священной, однако она также не является абсолютным злом, от которого следует избавиться. Он предложил сформировать “инструментальный взгляд” на правительство и видеть в нем один из многочисленных инструментов, созданных людьми для достижения своих целей. Власть создается благодаря объединению людей, это общая потребность масс. “Если оно соответствует запросам большинства, значит, это хорошее правительство”³.

Ху Ши выделял два аспекта деятельности государства. Пассивный аспект – это разрешение конфликтов в обществе, наведение порядка, исполнение законодательства. Активный аспект – это содействие социальному прогрессу, помощь обществу в преодолении инерции и консерватизма. К примеру, естественный переход к использованию разговорного языка, за употребление которого ратовал Ху Ши, мог бы растянуться на одно или два десятилетия. Благодаря распоряжению правительства о преподавании разговорного языка в школах процесс значительно ускорился. По мнению мыслителя, правительство должно думать об общем благе и счастье, а демократия помогает избежать узурпации и злоупотребления властью. Революция нежелательна, но допустима в тех случаях, когда нет иного пути сменить негодное правительство.

В лекции были сформулированы три взаимосвязанных компонента “идеологии хорошего правительства”. Во-первых, это политическая сознательность. Люди должны отдавать себе отчет в том, что при плохом правительстве не удастся сделать ничего, дела будут плохи и в образовании, и в торговле. Во-вторых, людям нужна общая цель, которой является создание хорошего правительства. В-третьих, “нужно объединение хороших людей”⁴. Обладающие сознательностью и целью люди должны организоваться для совместного движения вперед.

Наблюдая за развитием внутренних китайских конфликтов, интеллектуалы ожидали, что наступит момент, когда порядок будет наведен и правительству потребуются компетентные управленческие кадры. Лозунг “правительства хороших людей” появился сразу после завершения войны между двумя группами милитаристов, стремившихся установить свою власть в Пекине – фэнтяньской группой Чжан Цолиня (она опиралась на провинции северо-востока страны) и чжилийской группой генерала У Пэйфу. После короткой схватки власть в начале мая 1922 г. перешла в руки У Пэйфу, заявлявшего о стремлении восстановить конституционный порядок. Он вернул на президентский пост изгнанного в 1917 г. Ли Юаньхуна, собрал в Пекине депутатов прежнего парламента. Эти события были восприняты как шанс на мирное и конструктивное продвижение политических перемен.

В мае 1922 г. группа интеллектуалов основала еженедельный журнал “Нули”, который просуществовал до октября 1923 г. Главную роль в его создании сыграли Ху Ши и Дин Вэньцзян (1887–1936), получивший образование в Японии и Великобритании ученый-геолог, сыгравший заметную роль в общественных и культурных дискуссиях республиканского периода. Во втором номере журнала 14 мая 1922 г. был опублико-

³ Ху Ши. Хаочжэнфу чжуи. (Идеология хорошего правительства). – Ху Ши вэньцзи. (Сочинения Ху Ши), т. 1–12. Пекин, 1998, т. 12, с. 716.

⁴ Там же, с. 719.

ван манифест “Наши политические устремления” (Вомэн дэ чжэнчжи чжучжан), под которым стояли шестнадцать подписей⁵.

Имя составителя документа стояло в списке последним. Текст вобрал в себя прежние политические идеи Ху Ши – призыв к формированию “хорошего правительства” и трактовку власти как инструмента создания благ в интересах наибольшего числа членов общества. К ним были добавлены основные характеристики и цели деятельности “хорошего правительства”⁶.

“Манифест 16-и” утверждал, что “лучшие элементы внутри страны” несмотря на различия во взглядах (демократия, гильдейский социализм, анархизм) могут сплотиться вокруг понятной и практичной цели создания “хорошего правительства” как самого низкого порога требований в деле реформирования китайской политики. Рациональные доводы были смешаны с эмоциональными призывами к тому, чтобы “в полном единении и общими усилиями” начать сражение со “злыми силами” внутри страны.

“Минимальное содержание” идеи “хорошего правительства” сводилось к созданию контролирующих органов для противодействия коррупции и противоправным действиям чиновников. Активные аспекты его работы включали в себя “полное использование политических органов для стремления к благу (фули) всего общества” и “полное принятие свободы человека, заботу о развитии личности”. Реформированное правительство должно быть конституционным и “открытым” (гункай), включая открытость в финансовых вопросах и при назначении чиновников через систему экзаменов: “Мы верим что открытость (publicity) является единственным оружием для победы над темнотой”. Помимо этого, власть должна проводить “обладающую планом” (ю цзихуа дэ) политику, поскольку бедой Китая стало отсутствие плана, способного стать источником эффективности.

К числу причин проблем Китая было отнесено “высокое самомнение хороших людей”, то есть пассивная позиция интеллектуальной элиты, стоявшей в стороне от политики. Для проведения политической реформы требовалось, чтобы у “хороших людей был боевой дух”, лучшие элементы общества должны думать о защите себя, думать об обществе и государстве, выходить на борьбу с плохими силами. Был сделан упрек, что после 1916–1917 гг. “хорошие люди” “спустя рукава” смотрели на раскол Китая и усиление позиций милитаристов, “потерю Монголии” и “продажу Шаньдунна”, на то, как государство становится банкротом и теряет лицо: “Хватит! Ставшие виновниками всех преступлений хорошие люди сейчас могут подняться! Хорошими людьми быть мало, нужно быть борющимися хорошими людьми. Пассивного мнения мало, нужен настрой на решительную борьбу”.

Конкретные предложения подписантов “Наших политических устремлений” радикализмом не отличались. Они заявили, что не верят в возможность объединения севера и юга Китая силой оружия, выдвинув ряд рекомендаций по подготовке

⁵ Подписи с указанием должностей были расставлены под манифестом в следующем порядке: Цай Юаньпэй – ректор Пекинского государственного университета, Ван Чунхуэй – преподаватель Пекинского государственного университета, Ло Вэньгань – преподаватель Пекинского государственного университета, Тан Эрхэ – доктор медицины, Тао Синчжи – декан педагогического отделения Юго-Восточного государственного университета, Ван Боцю – декан политико-экономического отделения Юго-Восточного государственного университета, Лян Шумин – преподаватель Пекинского государственного университета, Ли Дачжао – директор библиотеки Пекинского государственного университета, Тао Мэнхэ – декан философского факультета Пекинского государственного университета, Чжу Цзиннун – профессор Пекинского государственного университета, Чжан Вэйцы – преподаватель Пекинского государственного университета, Гао Ихань – преподаватель Пекинского государственного университета, Сюй Баохуань – профессор Пекинского государственного университета, Ван Чжэн – секретарь группы американского Нового банка, Дин Вэньцзян – бывший директор Института геологоразведки, Ху Ши – глава учебного отдела Пекинского государственного университета.

⁶ Цит. по: Чжунго сысянши канькао цзыляо цзи. Вань Цин дао Миньго цюань. (Собрание справочных материалов по истории китайской мысли. От поздней династии Цин до Республики), в 2-х т. Пекин, 2005, т. 2, с. 334–338.

представительной объединительной конференции. Предложение сократить войска, заметно увеличившиеся в период усиления местных милитаристов, было дополнено советом урезать количество чиновников, ряды которых чрезмерно выросли и народ уже не может их содержать. Было указано на необходимость ввести в Китае строгие антикоррупционные законы по образцу западных стран, сократить число депутатов государственного и провинциальных парламентов, добиться полной бюджетной прозрачности и привести расходы государства в соответствие с его доходами.

Публикация манифеста стала поводом для непродолжительной интенсивной дискуссии о возможности создания “хорошего правительства” с участием “хороших людей”. По сути это был вопрос о том, должна ли китайская интеллигенция продолжить прежние усилия по культурному и идейному просвещению общества, или же на первый план выходит личное участие в работе властей для создания политических предпосылок переустройства общества. Попытка совместить оба направления работы показалась современникам неубедительной. Китайские исследователи отмечают, что идея “хорошего правительства” вызвала критику со стороны правых и левых сил.

Редакционная статья газеты “Чэньбао” подчеркивала, что политика развивается для общества, поэтому общественный аспект работы интеллигенции важнее, чем политический. У этой позиции были исторические основания, ведь еще не был забыт неудачный опыт сотрудничества с властью влиятельного в интеллектуальной среде лидера Исследовательской группы Лян Цичао, не сумевшего реализовать свои замыслы на посту министра финансов. Газета “Ишибао” подчеркивала, что предпосылкой политических реформ в Китае является распространение всеобщего образования. Левые силы в Гоминьдане, напротив, были недовольны тем, что сторонники “хорошего правительства” пропагандируют реформизм вместо революции. Будущий китайский посол в Москве Шао Лицзы в газете “Гоминь жибао” отмечал, что без революции создать в Китае “хорошее правительство” невозможно, прежде чем начать строительство новой политики нужно разрушить старую политику: “Цай Юаньпэй и Ху Ши надеются, что хорошие люди вместе займутся созиданием. Я надеюсь, что хорошие люди сперва вместе займутся разрушением”⁷.

Критика в адрес сторонников “хорошего правительства” вошла в подготовленное Чэнь Дусю “Заявление Компартии Китая о современном положении” от 15 июня 1922 г. В нем говорилось: “Опыт истории китайской и зарубежной революции показывает, что ваш примиренческий пацифизм, мелкобуржуазный пацифизм, на деле является препятствием для “стараний”, “борьбы”, “сражения с силами зла”. При власти милитаристов можно ли реализовать сущность того, что вы называете хорошим правительством?”⁸ Другой мишенью в борьбе с “соглашательством” коммунисты избрали “различные политические комбинации гоминьдана с участием враждующих феодально-милитаристских группировок и империалистических держав”⁹.

Скептически относившийся к марксистскому учению Ху Ши с иронией заметил, что ранее не слышал о том, что между классами буржуазии и пролетариата существует еще какой-то класс “мелкой буржуазии”. При этом он подчеркнул, что две программы – “хорошего правительства” и Коммунистической партии Китая (КПК) – совместимы, в частности, их объединяет требование перехода к прямым всеобщим выборам. Ответ Ху Ши китайским коммунистам гласил: “Мы вовсе не пренебрегаем вашими идеальными устремлениями, но и вам тоже не обязательно пренебрегать нашими самыми

⁷ *Сюй Цзилинь*. Чжунго цзыючжуй дэ утобан – Ху Ши юй “хаочжэнфучжуй” луньчжань. (Китайская либеральная утопия – Ху Ши и дискуссия об “идее хорошего правительства”). – Эрши шицзи Чжунго сысян ши лунь. (Очерки истории китайской мысли XX в.), в 2-х т. Шанхай, 2000, т. 1, с. 308–310.

⁸ Чжунго гунчаньдан дуйной шицзюй дэ чжучжан. (Заявление КПК о современном положении, 15 июня 1922 г.). – Чжунгун Чжунъян вэньцзянь сюаньцзи. (Собрание документов ЦК КПК) (1921–1925), т. 1. Пекин, 1989, с. 42.

⁹ Новейшая история Китая 1917–1927. М., 1983, с. 110.

приземленными устремлениями. Если наше самое приземленное не будет выполнено, ваши идеальные устремления также никоим образом не смогут осуществиться”¹⁰.

“Манифест 16-и” отражал настроения китайской интеллигенции и за пределами ее либеральной части. Среди подписавших был уже обретший к тому времени известность сторонник культурного консерватизма Лян Шумин. Более того, свою подпись под призывом к созданию “правительства хороших людей” поставил пропагандист марксизма и деятель КПК Ли Дачжао, в 1919 г. яростно полемизировавший с Ху Ши по поводу “-измов” и проблем. Теперь эти два влиятельных интеллектуала заняли общую позицию, и это произошло не впервые – в 1920 г. Ли Дачжао вместе с Ху Ши, Тао Мэнхэ, Чжан Вэйцы и другими подписал “Манифест борьбы за свободу”. Это дает основания говорить о том, что идеологическая критика со стороны КПК сочеталась с попытками сотрудничества с либеральными силами, поисками общей демократической платформы.

Идея “правительства хороших людей” была элитарной, в ней не было места для революционной смены власти. Китайский исследователь Сюй Цзилинь отметил, что сторонники и критики этой идеи не поняли, что в ее основе лежит “дух совершенно-мудрого правителя (шэн ван) – моральный идеализм, проистекающий из конфуцианской политической мысли”¹¹. Опора политического лидерства на моральные качества правителя является фундаментальной для китайской традиции, следы этого мировоззрения можно найти в позиции Ху Ши и его единомышленников. Пришедший с Запада либерализм соединился с конфуцианской традицией. На первое место вместо формальных и обезличенных механизмов правового государства вышли личные моральные качества стоящих у власти “хороших людей”.

Идея “хорошего правительства” не получила институционального оформления. Китайские либералы не были готовы к тому, чтобы создать свою политическую силу. После публикации “Манифеста 16-и” Дин Вэньцзян в ответ на письма читателей “Нули” заметил, что “с точки зрения теории для создания хорошего правительства нужно создать “хорошую партию”. Однако с точки зрения реальности время еще не пришло”¹².

Последующие события показали несостоятельность надежд на практическую реализацию “хорошего правительства”. В сентябре 1922 г. трое из числа подписантов “Манифеста 16-и” вошли в правительство: Ван Чунхуэй стал премьером, Ло Вэньгань – министром финансов, Тан Эрхэ – министром образования. Однако внутренняя борьба в чжилийской группе превратила вошедших во власть интеллектуалов в беспомощных заложников. Ло Вэньгань был безосновательно обвинен в получении взятки при заключении соглашения с Австрией и брошен в тюрьму. В конце ноября “кабинет хороших людей” ушел в отставку. В знак протеста против несправедливости в отставку с поста ректора Пекинского университета в январе 1923 г. ушел Цай Юаньпэй, объявивший о переходе к “политике несотрудничества” с правящими милитаристами.

Эти события оказали большое влияние на отношении к политике со стороны либеральной интеллигенции. Ху Ши вернулся к научной деятельности, не соглашаясь на предложения стать чиновником. В 1932 г. он отказался от поста министра образования. В письме главе исполнительного юаня Ван Цзинвэю мыслитель пояснил, что делает это не из-за чрезмерной заботы о репутации, а из-за желания сохранить непартийный и неофициальный статус, чтобы в решающий момент иметь возможность сказать государству “сильные обладающие справедливостью слова”, быть для государства не только “искренним слугой”, но и “искренним другом”¹³. Исключением стал период 1938–1942 гг., когда Ху Ши был китайским послом в США. Однако его согласие заняться этой работой было обусловлено патриотическим стремлением помочь укрепить международное влияние своей страны в период войны.

¹⁰ Ху Ши. Чжэ и чжоу. (На этой неделе). – Ху Ши вэньцзи, т. 2, с. 414.

¹¹ Сюй Цзилинь. Чжунго цзыючжуй дэ утобан..., с. 308–313.

¹² Дин Вэньцзян сюэшу вэньхуа суйби. (Научные и культурные заметки Дин Вэньцзяна). Пекин, 2000, с. 170.

¹³ Ху Ши лай ван шу синь сюань. (Избранная переписка Ху Ши), в 3-х т. Пекин, 1979, т. 2 (чжун), с. 208.

После краха “кабинета хороших людей” и отставки Цай Юаньпэя китайская либеральная интеллигенция вновь утратила интерес к политике и вернулась к обсуждению мировоззренческих проблем. Этот резкий перелом настроений помогает объяснить внезапный переход от спора об “идее хорошего правительства” к обсуждению соотношения “науки и метафизики”. Исходной точкой дискуссии стала лекция о “жизне-созерцании”, которую прочитал в феврале 1923 г. философ и общественный деятель Чжан Цзюньмай¹⁴. Он провозгласил, что эмпирические методы западной науки не могут быть применены к постижению свободного и неповторимого человеческого духа. Его главными оппонентами стали Дин Вэньцзян и Ху Ши, выступившие в защиту научной рациональности. Их активное участие в “дискуссии о науке и метафизике” ознаменовало возвращение интеллектуалов к просветительскому проекту “Движения 4 мая”, основанному на приоритете идейного воспитания общества.

Дин Вэньцзян, в отличие от Ху Ши, сохранил интерес к административной работе, он продолжал обвинять образованную элиту в нежелании брать на себя ответственность за будущее страны. Попытка Дин Вэньцзяна следовать этому пожеланию оказалась неудачной. В мае 1926 г. он согласился стать управляющим портом Сунху в Шанхае, находившемся тогда под властью милитариста Сунь Чуанфана. Это решение вызвало недоумение у китайских интеллектуалов, в конце года из-за неблагоприятного развития ситуации Дин Вэньцзян покинул должность и вернулся к научной деятельности. В марте 1927 г. в Шанхае началось народное восстание, а в апреле город взяла под контроль гоминьдановская армия. Унаследованные китайскими либералами конфуцианские установки на активное участие образованных “хороших людей” в делах государства вместе с их неприятием революционного насилия и хаоса оказались несовместимыми с реальностью.

“НОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ” И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ УКЛОН

Китайские исследователи отмечают, что после начала “Движения 4 мая” в китайском либерализме происходили процессы “социал-демократизации”, которые развивались на фоне поисков общественного устройства, основанного на свободе и справедливости. В республиканском Китае происходило постепенное размывание границ между испытанным влиянием социализма “новым либерализмом” и социал-демократическими идеями. Даже Ху Ши, которого можно отнести к “сравнительно правому крылу” китайского либерализма, в 20–30-е годы XX в. одобрительно высказывался о социализме¹⁵.

Еще в ходе дискуссии об “-измах” и проблемах в 1919 г. Ху Ши стремился не смешивать критику исторического материализма и классовой борьбы с оценками социализма. Он характеризовал социализм как важное достижение современной цивилизации в написанной в июне 1926 г. статье “Наше отношение к западной цивилизации нового времени”. Исходной предпосылкой стал тезис о “духовности” цивилизации Запада, ее нацеленности на поиск человеческих идеалов, движение от старой религиозности к рационализму и гуманизму. “В XVIII в., – писал Ху Ши, – символами веры новой религии стали свобода, равенство, братство. После середины XIX века символом веры новой религии стал социализм. Это западная духовная цивилизация нового времени, у народов Востока такой духовной цивилизации никогда не было”¹⁶.

¹⁴ В 1934 г. Чжан Цзюньмай вместе с философом Чжан Дунсунем создал Китайскую государственно-социалистическую партию. См.: Белоусов С.Р. Китайская версия “государственного социализма” (20–40-е годы XX в.). М., 1989, с. 115–122.

¹⁵ Сюй Цзилинь. Сяньдай чжунго дэ шэжуй миньчжучжуй сычао. (Идейное течение социал-демократизма в современном Китае). – Эрши шици Чжунго сысян ши лунь, т. 2, с. 27–30.

¹⁶ Ху Ши. Вомэн дуййюу сиян цзиньдай вэньмин дэ тайду. (Наше отношение к западной цивилизации нового времени). – Ху Ши вэньци, т. 4, с. 10.

Ху Ши заявил, что хотя на Востоке были идеи “братства” (“всеобщей любви” – боай) и уравнительного распределения, они остались на бумаге и не повлияли на жизнь людей. А вот на Западе это влияние было огромным: «После XIX века постепенно обнажились недостатки индивидуализма, страдания при капитализме постепенно стали явными. Дальновидные люди поняли, что экономический строй свободной конкуренции не приведет к цели обретения подлинных “свободы, равенства, и братства”. Просить у капиталистов справедливого отношения, это все равно что “просить шкуру у тигра”. Спасительным методом являются два пути – при первом пути государство использует свою власть для того, чтобы ограничить капиталистов и дать гарантии угнетаемым классам; при втором пути угнетенные классы объединяются и оказывают прямое сопротивление угнетению и ограблению со стороны класса буржуазии»¹⁷. Ху Ши отметил, что за минувшее десятилетие, то есть с середины 10-х годов XX в., организованный рабочий класс стал самым сильным элементом социалистического движения, обрели влияние рабочие партии и профсоюзы, в России “рабочие и крестьяне осуществляют классовую диктатуру в масштабах всей страны”.

Менее чем через два месяца после написания этой статьи Ху Ши провел три дня в Москве по пути в Европу. 30 июля 1926 г. он посетил Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, где познакомился с профессором Чикагского университета политологом Ч. Мерриамом. Китайский интеллигент задал американцу вопросы, на которые ему было трудно найти ответ: “Я спросил – какие у него чувства, когда он смотрит на Советскую Россию глазами историка политических учений? Как соотносится со свободой однопартийная диктатура, которая не терпит существования оппозиционных партий? Когда может завершиться период так называемой диктатуры? Если не допускать существования оппозиционных партий, есть ли возможность продлевать этот политический период до бесконечности?”¹⁸

Ответ американца показался воспитанному в духе прагматической философии китайскому мыслителю вполне убедительным. Мерриам заявил, что в России проходит “огромный и беспрецедентный политический эксперимент”. По его мнению, диктатура обычно стремится сделать народ глупым, чтобы укрепить свою власть. Однако в СССР деятельность государства, в особенности его образовательные начинания, нацелена на создание “социалистического поколения” новых граждан, с появлением которого диктатура может завершить свое существование. Это пояснение было вполне приемлемо с точки зрения просветительского культурного проекта китайского “Движения 4 мая”.

Ху Ши воспринял эту мысль и заключил, что благодаря усилиям в области образования в будущем в СССР возможен “переход от диктатуры к строю социалистического народовластия”. Он высоко оценил советскую образовательную политику, в которой “действительно приняли новейшие мировые педагогические учения, осуществляют великий эксперимент”. Ху Ши также пришел к выводу, что советские руководители обладают идеалами, которых не найти у китайских политиков. “Возможно, – отмечал он, – я как любящий свободу человек не могу полностью поддержать их идеалы, однако я не могу не выразить восхищения направленностью их воли (seriousness of purpose). Они здесь проводят небывалый великий политический новый эксперимент. У них есть идеал, есть план, есть абсолютная уверенность – этих трех уже достаточно, чтобы заставить меня застыдиться до смерти. Как же наша ведущая бессмысленное существование нация может критиковать Советскую Россию!”¹⁹

Не поддерживая советские политические идеалы, Ху Ши стремился оценивать происходящее в СССР без идеологической предвзятости: «Я эксперименталист, и в от-

¹⁷ Там же, с. 11.

¹⁸ Ху Ши жици цюаньбянь. (Полное издание дневников Ху Ши). Т. 4. 1923– 1927. Хэфэй, 2001, с. 235.

¹⁹ Ху Ши. Оу ю дао чжун цзи шу. (Письма из путешествия по Европе). – Ху Ши вэньцзи, т. 4, с. 41–42.

ношении огромного политического эксперимента не могу не выражать восхищения... В истории мировой политики еще не было такого огромного “утопического” плана, имеющего шанс в практическом опыте. Если поискать в истории Китая, лишь Ван Ман и Ван Аньши предприняли два опыта создания “социалистического государства”. Ван Ман особенно заслуживает восхищения, его провал должен побудить нас уяснить ценность эксперимента Советской России»²⁰.

Принадлежавший к либеральным кругам поэт Сюй Чжимо, с которым переписывался Ху Ши, задал ряд встречных вопросов – есть ли у советского утопического идеала “достаточные научные основания и реальная осуществимость”, правилен ли этот метод и обладает ли он всеобщностью, “нет ли сравнительно более мирного пути со сравнительно меньшими жертвами”? Ху Ши ему ответил, что ни один существующий в мире общественный строй не имеет достаточных научных оснований, а самую большую проблему представляет власть эмоций и стереотипов. Коснувшись призыва искать “мирный путь с меньшими жертвами”, Ху Ши выделил два пути развития: «Один – это нынешний метод Советской России, пролетарская диктатура, которая не допускает существования класса буржуазии. Другой – это метод, избегающий “классовой борьбы”. За триста лет приняли тенденцию “социализации” (socializing), постепенно расширяя наслаждающееся свободой и счастьем общество. Этот метод я хочу назвать “новым либерализмом” (New Liberalism) или “либеральным социализмом” (Liberal Socialism). Друзья из компартии мне говорят: “Либерализм – это политическая философия капитализма”. У этих речей нет оснований в истории. Либеральная тенденция постепенно расширяется. В XVII – XVIII веках лишь аристократия завоевала свободу. XX век должен быть временем, когда свободу завоеует весь народ. Какой конфликт у этого воззрения с либерализмом? Почему обязательно отдавать либерализм капитализму?»²¹

Стремление “не отдавать либерализм капитализму” характеризует не только взгляды Ху Ши, но и специфику китайской общественно-политической мысли республиканского периода. Сюй Цзилинь выделил среди китайской интеллигенции три течения, по-разному относившиеся к социализму. Последователями “радикального социализма” были Чэнь Дусю, Ли Дачжао и Мао Цзэдун, взявшие в качестве образца советскую модель. К течению “нового либерализма” относились Ху Ши, Фу Сынянь и другие китайские интеллектуалы, учившиеся в Англии и США. Их сближение с социалистической идеологией происходило под влиянием западной мысли и политики – во времена “Движения 4 мая” примером для Ху Ши был Дж. Дьюи, в 40-е годы XX в. их вдохновляла политика Ф.Д. Рузвельта. Китайский “социал-демократизм” отличается от западного тем, что он вырос не из ревизионистского течения в марксизме (китайские марксисты полностью приняли ленинизм и места для ревизионизма в их рядах не было), а из либерального течения. Главными выразителями этого течения были Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь, к ним были идейно близки Ло Лунцзи, Чу Аньпин, Пань Гуандань. Источником идейного вдохновения для них служили труды британских мыслителей Б. Рассела и Г. Ласки, практическими примерами – германская социал-демократия веймарского периода и стоявшие после войны у власти в Великобритании лейбористы²².

“Новый либерализм” и “социал-демократизм” в республиканском Китае были близки, оба течения выступали с критикой идеологии свободного рынка, мечтая соединить индивидуальную свободу с государственным управлением экономическими процессами. В 20–30-е годы XX в. эта тенденция проявлялась в умеренной форме, поскольку “новые либералы” во главе с Ху Ши обходили тему государственного регулирования, а “социал-демократы” только набирали силу и работали над теоретическими

²⁰ Там же, с. 42.

²¹ Там же, с. 47–48.

²² Сюй Цзилинь. Сяньдай чжунго дэ шэхай миньжучжун сычао. – Эрши шици Чжунго сысян ши лунь, т. 2, с. 31–32.

асpekтами своей программы. В 40-е годы XX в. на первый план в китайской политической мысли вышла идеология “третьего пути”: «Если говорить, что современный китайский либерализм “учился у Англии и Америки”, эти “Англия и Америка” никак не были классическим либерализмом Локка, Адама Смита и Хайека, а новым либерализмом и социал-демократизмом Бенгана, Милля, Ласки, Рассела и Дьюи»²³.

Сторонники “нового либерализма” и “социал-демократизма” в конце 20-х годов XX в. совместно выступали в защиту прав человека. Их публикации на страницах шанхайского журнала “Синьюэ” были направлены против навязывания обществу партийной идеологии Гоминьдана. Одним из участников движения был Ху Ши, который после возвращения из поездки в Европу и США в апреле 1927 г. обосновался в Шанхае и занял в 1928 г. пост ректора частного Китайского колледжа. В 1929 г. он предложил сдерживать произвол властей и защитить права человека с помощью принятия временной конституции. Ху Ши оспорил политическую программу Сунь Ятсена, предлагавшего переходить к конституционному правлению лишь после длительного периода “политической опеки”, призванного подготовить людей к участию в политической жизни.

По мнению Ху Ши, для участия в политической жизни народу нужны не специальные познания, а опыт: “Демократический строй сам по себе есть вид образования”²⁴. Наличие конституции поможет людям продвигаться по пути демократии, это нужно не только для определения прав народа, но и для ограничения прав властей, без чего политическая опека может превратиться в диктатуру. “Подготовка, которая нужна народу – это гражданская жизнь при конституции. Подготовка, которая нужна правительственным и партийным чиновникам – это жизнь (в условиях. – А.Л.) правового правления при конституции”²⁵. Когда власть имущие с опорой на конституцию научатся ограничивать свои действия, они смогут научить простых людей жить по правилам демократического государства.

Ху Ши видел ошибку Сунь Ятсена в провозглашении лозунга “знать трудно, действовать легко”, ставшего обоснованием отсрочки перехода к конституционному правлению. Правящая партия стремится подчинить действия “незнающих” людей приказам “знающих” вождей, китайская молодежь начинает верить в легкость действия и пренебрегает знаниями. Ху Ши заявил, что “легкость” действия относительна, а беспорядочные поступки могут принести вред. При этом самая большая угроза таится в непонимании сложности государственных дел: «Когда группа не имеющих современной научной подготовки людей правит не обладающей современной материальной базой большой страной, есть ли в Поднебесной дело труднее этого? Чтобы добиться успеха, нет иного выхода, кроме как в полной мере обращаться за советами к специалистам, использовать науку. Иначе учение о “легком действии” станет прикрытием для группы необразованных военных и политиков! Если это учение не исправить, политика специалистов (чжуаньчзя чжэнчжи) никак не сможет реализоваться»²⁶.

Не ограничившись обвинением в необразованности, Ху Ши назвал гоминьдановских правителей “реакционерами”, поддерживающими консервативные националистические тенденции и подавляющими свободу слова. Он пояснил, что хочет пробудить у партии сознательность, прежде всего в рядах молодежи, чтобы она смогла своевременно принять меры и спасти партию от краха. “Ныне Гоминьдан в значительной мере утратил симпатии людей, – утверждал Ху Ши. – Наполовину потому, что политические мероприятия не удовлетворяют людские чаяния, наполовину потому, что окостенение мысли не может привлечь сочувствие передовых мыслящих кругов. Когда сочувствие передовых мыслящих кругов полностью закончится, тогда же иссякнет масло и погаснет фитиль Гоминьдана”²⁷.

²³ Там же, с. 48.

²⁴ Жэньцзяоань луньцзи. (Сборник статей о правах человека). – Ху Ши вэньцзи, т. 5, с. 536.

²⁵ Там же, с. 538.

²⁶ Там же, с. 600.

²⁷ Там же, с. 588.

На стороне Ху Ши выступил учившийся в Великобритании у Г. Ласки влиятельный представитель социал-демократического течения Ло Лунцзи. Он подчеркивал, что стремление Гоминьдана ограничить свободу слова несет стране больше опасности, чем сама свобода слова. Летом 1929 г. он заявил: “Несостоятельность прав человека стала в нынешнем Китае реальностью, которую невозможно скрыть... Старание подняться (на борьбу. – *А.Л.*) за возвращение прав человека превратилось в Китае в решимость людей, которые хотят быть людьми. Движение за права человека на деле уже началось. Его успех – это вопрос времени. И в этом не требуются особые стимулы”²⁸.

Ло Лунцзи поддержал переход Китая к “политике специалистов”, профессионально разбирающихся в политике, экономике, технике, демографии. Пока китайская власть на всех уровнях опирается на военных с низким уровнем знаний, доверять им дела государства столь же опасно, как сажать рикшу за руль автомобиля. Десятки тысяч китайских чиновников занимают посты без выборов и экзаменов на основании выдвижения, рекомендации или сговора. Эта система прикрывается “партийным правлением”, при наборе в органы управления первыми принимают членов Гоминьдана, при сокращении первыми увольняют беспартийных. “А кто решится сказать, что в политике Китая члены партии все специалисты, а не члены партии все не специалисты?” – спрашивал он²⁹.

Старое стремление к созданию “правительства хороших людей” обрело новую окраску в условиях партийной власти. Либералы не отвергали идею политической опеки, поскольку сами призывали к созданию предпосылок для политических преобразований с помощью просветительской деятельности в области идеологии и культуры. Их беспокоило то, что гоминьдановская власть не способна повести людей к демократии, вместо прогрессивных знаний она насаждает атмосферу догматизма и единомыслия. Критики призывали повысить качество партийного аппарата и чиновников, сделать их знающими профессионалами. Ло Лунцзи подчеркивал, что при демократии не должно быть неподконтрольной правящей партии и не имеющих знаний чиновников, отвечающих за воспитание масс. “Лишь когда есть справедливые выборы и открытые экзамены, может появиться настоящая политика специалистов, – заявлял он. – Лишь когда будет политика специалистов, станет возможным спасти нынешний Китай”³⁰.

Ло Лунцзи полагал, что опора на свободу слова и демократию поможет Гоминьдану создать противовес влиянию коммунистов. Мыслитель считал, что в мире есть лишь один способ сдерживания реакции – это замена одних идей другими. Нечто подобное должно произойти в Китае. К примеру, в Великобритании под влиянием учения К. Маркса в середине – конце XIX в. поднялось коммунистическое движение. Но потом было создано Фабианское общество, которое изучило ситуацию в стране и предложило “фабианский социализм”. Они вели открытое обсуждение и критику, с подъемом фабианского социализма привлекательность коммунистической идеологии пошла на спад. Партийная диктатура и догматизм бесполезны, был уверен Ло Лунцзи: “Если бы тогда консервативная и либеральная партии в Великобритании назвали свои “-измы” священными, свою политику – всемогущей, осуществили “партизацию образования” и “единомыслие”, то коммунистическое правительство в Великобритании возникло бы наверняка раньше, чем в Советской России”³¹.

Дискуссия о правах человека вобрала в себя две темы, отражавшие идеи разных групп в китайском либеральном движении. “Политика специалистов” наследовала проблему “хорошего правительства”, сформулированную в “манифесте 16-и”. Критика Гоминьдана за удушение свободы слова, когда в стране стало невозможным появление привлекательной альтернативы марксистскому учению, исходила от социал-демократического течения.

²⁸ Там же, с. 540.

²⁹ Там же, с. 606–607.

³⁰ Там же, с. 608.

³¹ *Ло Лунцзи*. Чжэнчжи луньвэнь. (Политические статьи). Шанхай, 1932, с. 265.

ДИКТАТУРА И ДЕМОКРАТИЯ

В 1933 г. катализатором спора интеллектуальной элиты о демократии и диктатуре стало выступление 19-й армии, получившей приказ вести в провинции Фуцзянь боевые действия против Красной армии китайских коммунистов. Командование 19-й армии при поддержке мелких политических групп, находившихся в оппозиции к власти Гоминьдана, выступило с требованием сопротивления давлению Японии, которая к тому времени уже оккупировала северо-восточные провинции Китая. 20 ноября в Фуцзяни было провозглашено “народно-революционное правительство”. Бунтари оказались в изоляции, в январе 1934 г. выступление было подавлено правительственными войсками.

Попытка устроить революцию на фоне очевидной внешней угрозы вызвала гневную отповедь со стороны известного историка и дипломата Цзян Тинфу, в то время профессора Университета Цинхуа³². В статье, опубликованной 10 декабря 1933 г. в либеральном еженедельнике “Дули пинлунь”, он констатировал, что каждый новый раунд гражданской войны в Китае создает условия для вмешательства иностранцев, приводит к утрате суверенитета и отторжению территорий. Обратившись к историческому опыту зарубежных государств, он заявил, что сперва необходимо построить национальное государство, способное обеспечить единство страны и создать предпосылки для ее развития. Лишь после этого можно будет думать о том, какой тип государственного устройства более подходит для того, чтобы сделать жизнь народа счастливой. Китай до сих пор не сделал первый шаг, поэтому главным вопросом является обеспечение существования государства и его защита от революционных потрясений.

На страницах еженедельника “Дули пинлунь” начался спор о том, нуждается ли Китай в диктатуре. На выступление Цзян Тинфу ответил Ху Ши. Он пояснил, что политическая власть является условием строительства государства, однако диктатура необходимым этапом строительства государства не является. Обсуждавшиеся прежде темы “хорошего правительства” и “политики специалистов” получили новое преломление. Ху Ши заявил, что в Китае нет человека, партии или класса, способных взять на себя миссию осуществления диктатуры. Если для демократии нужен относительно высокий уровень познаний, то диктатуре требуются настоящие гении. “Наполеон и Фридрих были выдающимися людьми, Ленин и Сталин также таланты с богатыми знаниями и опытом, – утверждал он. – Успех российской компартии не был случайным и внезапным, он произошел из обучения и подготовки всей европейской цивилизацией более чем за сто лет. Итальянская диктатура также возникла не случайно, нам не следует забывать, что на маленьком полуострове есть несколько старейших университетов X века, у некоторых из них славная более чем тысячелетняя история”³³.

Ху Ши стремился подчеркнуть, что в Китае нет ни политических вождей масштаба Ленина и Сталина, ни древних университетов – создание учебных заведений западного типа началось в Китае лишь в конце XIX в. Поскольку кадров и знаний для диктаторского правления нет, остается лишь развивать демократию. Ху Ши заявил, что демократическое конституционное правление – это самый “детский” политический строй, который больше всего подходит для нации с недостатком политического опыта в период опеки. В демократических странах наподобие США и Англии в парламентах заседают обычные люди, а не выдающиеся таланты. Лишь после того, как Китай пройдет подготовку в школе демократии, через 30–50 лет у страны может появиться шанс на осуществление просвещенной диктатуры. Этот парадоксальный тезис Ху Ши

³² Цзян Тинфу. Гэмин юй чжуаньжи. (Революция и диктатура). – Миньчжу хайши дущай – 70 нянь цянй и чан гуаньюй сяньдайхуа дэ луньчжэн. (Демократия или диктатура – дискуссии о модернизации 70 лет назад). Гуанчжоу, 2010, с. 12–15.

³³ Ху Ши. Цзай лунь цзяньго юй чжуаньжи. (Еще раз о строительстве государства и диктатуре). – Ху Ши вэньци, т. 11, с. 376.

прямо противоречил рассуждениям сторонников диктатуры о том, что по мере политического взросления и решения неотложных проблем в области экономического развития и военной безопасности Китай сможет перейти к демократии.

В ходе полемики ужесточил свои позиции Цзян Тинфу, заявивший о невозможности перехода Китая к демократии. По его мнению, китайцам не нужны выбранные депутаты, которые, в свою очередь, “не представляют никого из людей”. Слабый и лишенный поддержки парламент не сможет своими постановлениями ликвидировать власть милитаристов, поэтому единственным методом перехода к централизованной власти является личная диктатура. Цзян Тинфу полагал, что установление в Китае “большой диктатуры” поможет устранить многочисленные “малые диктатуры” на уровне городов и провинций. Он верил, что народ поддержит “большую диктатуру”, направленную не против людей, а против “милитаристов второго сорта” и “малых диктатур”³⁴.

Одним из заметных выступлений в пользу диктатуры стала статья, которую опубликовал в начале 1934 г. во влиятельном общественно-политическом журнале “Дунфан цзачжи” (“Восток”) профессор Центрального университета Цянь Дуаньшэн. В 1923 г. он получил в Гарвардском университете степень доктора политологии. Он признавал, что принадлежит к тем китайцам, которых долго воспитывали в духе демократической политики, и потому ему трудно воспринимать антидемократические политические системы. Однако для того, чтобы добиться превращения Китая в сильное современное государство, взгляды придется изменить.

Цянь Дуаньшэн исходил из того, что западные демократии находятся в упадке и неспособны справиться с экономическими проблемами, а тоталитарные государства в СССР, Италии, Турции и Германии переживают подъем. Впрочем, к гитлеровской диктатуре он относился без симпатии, указывая на отсутствие экономических достижений, уничтожение политической конкуренции и антисемитскую политику. При обсуждении потребностей Китая он сделал акцент на экономическом развитии и распространении образования. “Я полагаю, – заявлял он, – что Китаю нужна обладающая способностями и идеалами диктатура. Китаю срочно необходимо в самые короткие сроки стать страной, обладающей определенной мощью. Осуществить индустриализацию страны за 10–20 лет невозможно, но за 20 лет приморские провинции должны стать высокоиндустриализованными, а сельское хозяйство внутренних провинций должно получить возможность опираться на приморскую промышленность. Только таким образом мы сможем во время следующей мировой войны, с одной стороны, иметь достаточные способности для сопротивления врагу, с другой – добиться серьезного отношения со стороны дружественных стран. Чтобы достигнуть цель индустриализации приморских провинций обязательно нужны силы, которыми обладает тоталитарное государство. А чтобы государство имело такую власть, ему обязательно нужно опираться на систему диктатуры, пользующейся народной поддержкой”³⁵.

Эти аргументы вынудили Ху Ши вступить в обсуждение экономической стратегии развития страны. Он заявил, что индустриализация приморских провинций является “очень сомнительной темой”. Прежде всего, там нет базовых условий для развития промышленности – например, месторождений угля и руды. Исходя из международной обстановки он сделал вывод, что не имеющее сильного флота государство не сможет защитить промышленность в приморской зоне и поддержал мнение тех экспертов, которые советовали создавать экономический центр во внутренних районах Китая. Эти суждения были здравыми и обоснованными. Через несколько лет китайским властям

³⁴ Цзян Тинфу. Лунь чжуаньчжи бин да Ху Шичжи сяньшэн. (Обсуждаю диктатуру и отвечаю г-ну Ху Шичжи). – Миньчжу хайши дуйтай – 70 нянь цянь и чан гуаньюй сяндайхуа дэ луньчжэн, с. 30.

³⁵ Цянь Дуаньшэн. Миньчжу чжэнчжи ху? Цзицюань гоцзя ху? (Демократическая политика? Тоталитарное государство?). – Там же, с. 39.

пришлось проводить эвакуацию промышленных объектов от наступающих японских армий с востока в центральные и юго-западные провинции.

Однако мыслитель хотел доказать, что для развития промышленности во внутренних районах диктатура также не требуется. Ху Ши настаивал, что индустриализация Китая не может опираться только на усилия правительства. У него может быть большая власть, но у него нет капитала, сырья и кадров. “Если говорить только о кадрах, – размышлял он, – в Советской России для пятилетнего плана требуется 1,5 млн специалистов. Только от появления тоталитарной диктатуры ситуация не изменится”³⁶.

Хотя в 1926 г. Ху Ши высоко оценивал советские успехи в области образования, применительно к Китаю возможность массовой подготовки кадров после установления диктатуры он не рассматривал. Он продолжал подчеркивать, что “демократическая политика – это детсадовская политика”, и потому она подходит Китаю, тогда как “современную диктатуру можно назвать политикой академического уровня”. Информация о том, что в плановых органах и промышленности СССР работают десятки и сотни тысяч квалифицированных специалистов, стала подтверждением невозможности создания в Китае “новой диктатуры” советского образца. В частности, Ху Ши сослался на сообщение побывавшего в 1933 г. в СССР Дин Вэньцзяна о том, что в советском ведомстве геологоразведки работают три тысячи геологов и две тысячи полевых сотрудников. Общий вывод остался неизменным: “у Советской России и Италии учиться нелегко”³⁷.

После этого в рядах китайских либералов произошел идейный раскол. Дин Вэньцзян выступил в пользу “диктатуры”, указывая, что построить в Китае демократию все равно будет сложнее. Среди китайского населения уровень неграмотности составлял 70–80%, что делало невозможным проведение всеобщих выборов. Дин Вэньцзян отверг тезис о том, что “детская политика” демократии подходит нациям без политического опыта. В реальности все наоборот. Демократия развивается в западных странах, где у наций больше всего политического опыта. Напротив, в странах, где такого опыта нет – в России, Германии, Италии – от демократии отказались. Демократия не может чудесным образом сделать глупцов мудрецами, а квалифицированные кадры одинаково нужны любому современному государству – и демократическому, и диктаторскому. Для демократии нужно то же, чего недостает Китаю для введения диктатуры – всеобщего образования, развитого транспорта, полноценных партий, изобильной экономики. Так что “учиться у Англии, Франции и Америки будет еще труднее, чем у Советской России и Италии”³⁸.

Поскольку в условиях революции и гражданской войны о демократии говорить не приходится и диктаторская политика все равно неизбежна, Дин Вэньцзян призвал строить в Китае диктатуру “нового типа” и привел ее основные характеристики:

1. Глава диктатуры должен полностью думать об интересах государства.
2. Глава диктатуры должен до конца понимать суть модернизации государства.
3. Глава диктатуры должен использовать кадры специалистов по всей стране.
4. Глава диктатуры должен использовать стоящие перед страной трудности для того, чтобы обратиться к чувствам и разуму пригодных к участию в политике людей со всей страны, побудить их встать под одно знамя.

Дин Вэньцзян заявил: “Ныне подобная диктатура в Китае пока еще невозможна. Но мы должны стараться в самый короткий срок добиться перемен и сделать ее возможной. В качестве первого шага следует отбросить призывы к демократической политике”³⁹.

³⁶ Ху Ши. Чжунго у дуцай дэ бяо юй кэнэн. (Необходимость и возможность отсутствия диктатуры в Китае). – Ху Ши вэньцзи, т. 11, с. 502.

³⁷ Там же, с. 505.

³⁸ Дин Вэньцзян. Миньжю чжэнчжи юй дуцай чжэнчжи. (Демократическая политика и диктаторская политика). – Миньжю хайши дуцай – 70 нянь цянй и чан гуаньюй сяньдайхуа дэ лунычжэн, с. 123.

³⁹ Там же, с. 124.

Ему ответил Ху Ши. Он заявил, что сильно разочарован выступлением Дин Вэньцзяна, не понявшего сущность англо-американской демократии. Он предупредил, что воспевать диктатуру опасно, и если Китай согласится пойти по этому пути, вместо “диктатуры нового типа” в стране будет безжалостная к людям старая диктатура⁴⁰. Дин Вэньцзян упрекнул оппонентов в том, что они говорят лишь об успехах демократии на Западе, избегая обсуждения вопросов ее практической осуществимости в Китае. Подражая коммунистическому призыву к объединению пролетариата, он заявил, что “единственная надежда состоит в объединении класса интеллигенции для того, чтобы превратить старый абсолютизм в сравнительно новую диктатуру”⁴¹.

Исследователь идеологии республиканского Китая Ш. Фурт охарактеризовала эволюцию взглядов Дин Вэньцзяна как отказ от либерального мировоззрения. “В духе эволюционистского наследия Дин продолжал считать, что правитель и образованная бюрократия являются структурными центрами любой политической системы, но к концу 1930-х он вложил другой измененный смысл: элита стала технократией, правитель – директором мозгового центра. Его взгляды на коммунизм, на СССР, на диктатуру показывают, что Дину недоставало центральной озабоченности политической свободой в том виде, в каком ее понимают на Западе”, – утверждала она⁴².

Отличия китайского либерализма от западного первоисточника были обусловлены стремлением интеллектуалов адаптировать свои взгляды к специфике Китая и его проблемам. Понимание важности защиты государства от внешней опасности и укрепления его мощи влияло на трактовку политических свобод. Дин Вэньцзян сделал решительный шаг и высказался в поддержку диктатуры. Ху Ши сохранил верность демократическим идеалам, однако ему пришлось искать пути примирения своих идей с признанием важности роли вождя в китайской политике.

В 1936 г. в китайском обществе и на уровне элиты произошло заметное изменение настроений. Осознание неизбежности войны с Японией привело к укреплению патриотического сплочения, центральной объединяющей фигурой стал Чан Кайши. Большим потрясением стал “сианьский инцидент” – 12 декабря 1936 г. командующие Северо-Западной армией Ян Хунчэн и Северо-Восточной армией Чжан Сюэлян арестовали Чан Кайши, выдвинув собственные политические требования. Попытка переворота не удалась, одним из последствий “сианьского инцидента” стал рост популярности китайского лидера, многие противники власти Гоминьдана выступили в его поддержку.

В январе 1937 г. Ху Ши признал, что после пройденных испытаний Китай стал более единым, а народ – более сплоченным. Правительство Китая стало жестче реагировать на давление со стороны Японии. После “сианьского инцидента” всего за неделю весь мир узнал, что Китай – это настоящее государство, а китайцы – “нация, у которой есть перспектива”. Тем не менее Китаю нужно переходить к практическому осуществлению конституционного правления. Постоянное промедление с выборами и созывом Национального собрания, от имени которого в период “политической опеки” правил Гоминьдан, вызывали у народа разочарование. Ху Ши подчеркивал, что инструментом сплочения страны может быть не только вооруженная мощь государства, но и демократия. “Сейчас, – утверждал он, – политический вождь должен понять, что центростремительная сила и единство государства являются привычкой, воспитываемой в течение длительного времени”⁴³.

⁴⁰ Ху Ши. Да Дин Цзайцзюнь сяньшэн лунь миньчжу юй дуцай. (Отвечаю г-ну Дин Цзайцзюню и обсуждаю демократию и диктатуру). – Ху Ши вэньцзи, т. 11, с. 531.

⁴¹ Дин Вэньцзян. Цзай лунь миньчжу юй дуцай. (Еще раз о демократическом правлении и диктатуре). – Миньчжу хайши дуцай – 70 нянь цянь и чан гуаньюй сяньдайхуа дэ луньчжэн, с. 129.

⁴² Furth C. Ting Wen-chiang: Science and China's New Culture. Cambridge (MA), 1970, p. 218–219.

⁴³ Ху Ши. Синь нянь дэ цзи гэ циван. (Несколько новогодних надежд). – Ху Ши вэньцзи, т. 11, с. 744.

В Китайской империи “привычка к единству” опиралась не только на войска, но и на силу гражданской системы, включая назначение чиновников через экзамены, полагал Ху Ши. В республике важной силой поддержания единства является образование, при этом более всего недостает охватывающих всю страну политических институтов. Начало деятельности Национального собрания будет означать совместное участие народных избранников в работе государственной власти, проведение выборов откроет путь для новой политической системы, которая демократическими методами будет поддерживать центростремительную силу в обществе.

Либеральный мыслитель призвал Чан Кайши стать вождем “конституционно управляемого Китая”. Ху Ши отметил, что в последние годы в Китае позабыли об опасениях, которые существовали в начальный период создания республики в отношении слишком сильной исполнительной власти. Мыслитель признал за Чан Кайши недюжинную энергию и способности, отметив, что созданная им система отчасти демонстрирует эффективность. Все это влияет на людей, поэтому в стране постепенно сформировалась “психология веры в вождя”. Во время “сианьского инцидента” по всей стране люди беспокоились о судьбе Чан Кайши и радовались его избавлению от опасности, и в этом также проявилась психология веры в вождя.

События в Сиани показали, что действующая политическая система слишком полагается на вождя, который сконцентрировал в своих руках чрезмерные полномочия. В Китае один человек определяет все военные планы, политический курс и внешнеполитическую стратегию, вплоть до частных конкретных мероприятий, таких как Движение за новую жизнь, нацеленное на моральное перевоспитание общества. Это мешает нормальному развитию политической жизни, к тому же, по мнению Ху Ши, таких всезнающих всемогущих вождей в мире нет, и даже самые лучшие лидеры не должны тратить все силы и разум на то, чтобы каждый день самостоятельно решать множество дел.

Здесь вновь возник пример Германии, Италии и СССР, занимавший ключевое место в ходе “дискуссии о демократии и диктатуре”. По словам Ху Ши, лидеры этих стран не занимаются “мелкой повседневной политикой” и потому в свободное время могут читать книги и размышлять. Он писал: “Сталин более всех скрывается и не показывается на людях, не встречается с гостями, не выступает с речами. В прошлом месяце Сталин выступил с речью, газеты писали, что это его вторая речь с момента прихода к власти”⁴⁴. Ху Ши одобрил такое поведение как проявление глубокого понимания политики. Либеральный мыслитель пытался найти в советском опыте то, чего не было в реальности, но соответствовало его пониманию потребностей Китая. Основной его задачей было убедить Чан Кайши отказаться от самостоятельного решения “десяти тысяч мелких дел каждый день”, подобрать ответственные кадры и передать им часть дел, четко определить пределы своих полномочий и в качестве вождя координировать общую ситуацию в стране.

Осуществление в Китае конституционного правления, указывал Ху Ши, не ограничивается изменением законодательства. Для того чтобы это начинание было успешным, следует воспитывать привычку правления по закону, а тут обязательно необходим пример вождя, который должен всегда держаться в рамках конституции. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, мыслитель сослался на новость об отречении от британского престола в декабре 1936 г. Эдуарда VIII из-за брака с разведенной американкой. По словам Ху Ши, это произошло не потому, что монарх “не любил страну, а любил красивую женщину”, а потому, что он “не любил почет и любил конституцию”.

Хотя для Китая эта история вряд ли могла служить заслуживающим уважения и подражания примером поступка “совершенномудрого правителя”, Ху Ши подчеркивал, что дух конституционного правления состоит в том, чтобы создавать законы и ограничивать ими самого себя. Вождю нужно ограничивать самого себя не только в

⁴⁴ Там же, с. 745. Можно предположить, что речь идет о докладе И.В. Сталина о проекте конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов 25 ноября 1936 г.

плохих делах, но и в том, чтобы не делать хорошие дела, которые выходят за пределы определенных законом должностных полномочий. Мыслитель надеялся, что Чан Кай-ши поймет важность своего положения и будет действовать как вождь государства, осуществляющего правовое правление. Для этого ему нужно четко понять правовые ограничения, связанные с занимаемой должностью и не брать все в свои руки.

Эта позиция отразила стремление либералов к компромиссной оценке ситуации – в Китае есть пользующийся поддержкой “политический вождь”, он обладает необходимыми лидерскими качествами. Однако правление “вождя” нужно уравновесить демократическими процедурами и четким разделением полномочий. Партия власти предпринимала встречные шаги в области политики. Состоявшийся в феврале 1937 г. 3-й пленум ЦИК Гоминьдана наметил созыв Национального собрания на 12 ноября 1937 г. Осуществлению этого обещания помешала война.

Дискуссии 20–30-х годов XX в. выявили ряд специфических особенностей китайской либеральной мысли. Несмотря на все усилия по продвижению демократии, индивид не занимал в ней приоритетного по отношению к государству места. Как отмечают современные китайские ученые, общим вектором развития либерализма в республиканском Китае стало движение от рассуждений и размышлений к политическому действию. В идейной сфере происходил переход «от рынка к обществу и правительству, от свободы на экономическом уровне к уравнительному богатству на уровне общества и политики, от выступающего против правительственного вмешательства и поощряющего свободную экономическую конкуренцию классического либерализма к правительственному “интервенционизму” нового либерализма и далее в сторону социализма»⁴⁵. В полной мере результаты этой эволюции проявили себя во второй половине 40-х годов XX в.

⁴⁵ Юй Цзухуа, Чжао Хуэйфэн. Цзиньдай Чжунго чжэнчжи цзыючжуй дэ фачжань гуйцзи юй яньцзинь синтай – и цзиньдай цзыючжуй дэ саньфэнь бяочжисин вэньбэнь вэй чжунсинь. (Путь развития и форма эволюции китайского политического либерализма нового времени – вокруг трех знаковых текстов либерализма нового времени). – Сюэшу юэкань, 2012, т. 44, № 5, с. 126.